

МАРИЯ МАРЕЙ*

«ТИРАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ» КАРЛА ШМИТТА**

БОРЬБА ЗА ВЛАГУ И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Шмитт К. ТИРАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ / ПЕР. С НЕМ. О. В. Кильдюшова. — М. : ПРАКСИС, 2025.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-389-396.

Довольно сложно писать рецензию на публикацию источника, снабженного таким прекрасным комментарием, как вступительная статья А. Ф. Филиппова и послесловия В. Е. Кондурова и Е. В. Тимошиной, где сказано практически все, что мы можем и должны знать об этом тексте, истории его написания и обсуждаемых в нем проблемах. Поэтому мне хотелось бы остановиться только на небольшой части того огромного количества теоретических размышлений, на которые провоцирует читателя этот действительно краткий текст Карла Шмитта, и попробовать продолжить некоторые линии его рассуждений, уведя их от собственно политико-правовой тематики.

Философско-правовая мысль XX столетия, с ее трагическими разломами и поисками новых оснований политического порядка, породила множество текстов-предостережений. Среди них небольшой, но чрезвычайно важный доклад Карла Шмитта «Тирания ценностей» занимает особое место. Это произведение, созданное немецким юристом уже в поздний период его творчества, выходит далеко за рамки сугубо академического спора и предстает ключом к диагностике фундаментальных проблем современного политического и правового сознания. Шмитт обращается в нем, казалось бы, к абстрактной и бесспорной категории — «ценности» — и вскрывает за ее гуманистическим и этическим фасадом мощный деструктивный потенциал. Современное прочтение этого текста позволяет не только понять историко-философский контекст

*Марей Мария Дмитриевна, к. филос. н., ответственный секретарь, журнал «Философия. Журнал Высшей школы экономики» (Москва); доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), mdyurlova@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9251-4399.

**© Марей, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

шмиттовской критики, но и увидеть в ней актуальное предупреждение о подменах и опасностях, таящихся в самом сердце современных дискуссий о праве, конституции и справедливости, — но не только там.

Понятие ценности стало в наши дни таким привычным, что его определение кажется самоочевидным. Оно стало термином — зафиксированным, понятным, вроде бы не требующим специального пояснения. Поэтому, возможно, необходимо отдельно прояснить, почему мы считаем нужным обсуждать этот «малый трактат о ценностях» и снова начинать разговор об этой привычной самоочевидности. Само название работы Карла Шмитта «Тирания ценностей» звучит как провокация. Как может быть тираническим то, что мы привыкли считать высшим благом, а именно ценности — свобода, равенство, справедливость, Бог, нация? Ведь именно за них мы боремся, ими оправдываем свои поступки, их прививаем детям. Это то, что мы не всегда можем отрефлексировать, но мы считываем их как обладающие безусловной значимостью — иначе они не были бы ценностями.

Один из важных для Шмитта вопросов, ответы на который он давал в разных своих текстах, — это вопрос о том, что может помочь восстановить пошатнувшийся политический (и, шире, социальный) порядок в ситуации, когда утрачено доверие к формальным правовым процедурам, парламентским решениям, указам и принимаемым законам. Легитимность власти — это не то, что в модерном государстве может быть установлено раз и навсегда, вера в справедливость существующего политического всегда может пошатнуться, и чего тогда будет стоить апелляция к основному закону и его предполагаемой незыблемости?

Здесь уместно напомнить то, на что обращает внимание А. Ф. Филиппов в своем предисловии к «Тирании ценностей». В немецком языке есть слово *der Wert*, которое на русский переводится и как «ценность», и как «стоимость» (термин из экономической теории, который нам хорошо знаком), поэтому разговор о ценностях — это разговор и о том, сколько мы готовы за них заплатить: «С точки зрения логики ценностей всегда должно иметь силу следующее: в борьбе за высшую ценность никакая цена не слишком высока и должна быть уплачена» (Филиппов, 2025: 46). К вопросу о цене и об иерархии ценностей мы еще вернемся, пока же отметим и другую важную мысль Шмитта: что согласование разных систем ценностей едва ли возможно. Мы можем согласовать общие интересы и договориться о них, о ценностях же — вряд ли.

Центральный тезис этой части книги Шмитта заключается в том, что перенос понятия «ценность» из области экономики (где оно относительно нейтрально) и философии (из неокантианской традиции баденской школы) в сферу права и политики является роковой ошибкой. Ценность, в его понимании, — это не объективная данность, а продукт субъективно-оценивающего суждения. Она всегда чья-то и для кого-то. В отличие от классической юридической нормы, которая, по идее, носит всеобщий и формальный характер (запрет есть запрет для всех), ценность по своей природе партикулярна и иерархизирована. Она требует не просто применения, но «реализации», утверждения себя в мире через отрицание и подавление «неценности» или «антиценности». Именно в этой императивной «воле к ценности» Шмитт и усматривает «тиранию» ценностей.

Продолжая это рассуждение, мы можем сказать следующее. Ценности всегда образуют иерархическую систему, в которой самыми значимыми являются те, что мы называем базовыми. Для каждой системы они будут различны. Это может быть справедливость, права человека, что-то связанное с божественным предопределением. Ценности являются основаниями для формирования общностей. Общности, основанные на одной системе ценностей, могут требовать вытеснения (символического или физического) других групп из политического пространства только на основании чуждости систем ценностей. И это требование будет для них легитимным. Для позднего Шмитта важен пример из недавнего для него прошлого Германии, но и в нашей современности мы можем найти примеры реализации этой логики.

Превращение чего-то в ценность, «наделение ценностью», как пишет Шмитт, «делает несоизмеримое соизмеримым» (Шмитт, Кильдюшов, 2025: 82). В результате совершенно не связанные между собой блага, цели, идеалы, интересы из разных сфер человеческой жизни становятся сопоставимыми и согласуемыми настолько, что можно рассчитать их долю при распределении социального продукта.

Это имеет определенный смысл до тех пор, пока осознается специфическая особенность понятия ценности и его конкретный смысл ищут там, где ему самое место: в сфере экономического. Однако превращение чего-либо в ценность сегодня происходит во всех областях человеческой жизни. К примеру, мы можем рассмотреть человеческий труд как ценность, как то, что имеет цену, — и это будет значить, что он сколько-то стоит, что его можно продать. Но мы привыкли к тому, что труд оплачивается и сколько-то стоит. А если эту логику перенести

на такую сферу жизни людей, как счастье? Если мы называем счастье человека ценностью, безусловной ценностью, которая, к примеру, лежит в основании идеального политического устройства, значит ли это, что мы можем измерить уровень этого самого счастья и найти соответствующую ему стоимость?

Этот вопрос отнюдь не является риторическим: он маркирует довольно важный парадокс нелиберального общества позднего модерна. Превращение счастья из экзистенциальной категории в управляемую метрику представляет собой закономерный результат экспансии экономического в области, традиционно считавшиеся неподвластными исчислению. Об этом пишут, например, Ева Иллуз и Эдгар Кабанас в книге «Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь». Счастье, став ценностью, подвергается процессу радикальной маркетизации, превращаясь в ключевой элемент нового типа управления — через обещание и производство эмоционального благополучия.

Этот процесс требует прежде всего операционализации понятия (Иллуз и Кабанас, Рахманько, 2023: 104). Счастье, дабы быть вписанным в логику экономического исчисления, должно быть лишено своей аморфности и нередуцируемой сложности. Оно дробится на набор измеримых, количественно оцениваемых индикаторов: уровень материального благосостояния, карьерный статус, потребительская активность, количество и качество социальных связей, параметры физического здоровья. Подобная редукция позволяет конструировать различные сложные индексы, которые не столько отражают субъективное переживание человека, сколько создают универсальный, кросс-культурный нормативный стандарт «правильного» благополучия. Таким образом, счастье становится сопоставимым и конвертируемым, теперь это валюта эмоционального капитала, курс которой определяется законами рынка.

Как пишут Иллуз и Кабанас, эта трансформация порождает новую, мощную «индустрию счастья» (там же: 118) — сложный конгломерат из коучинга, позитивной психологии, мотивационного менеджмента, корпоративных велнесс-программ и бесконечного потока продуктов формата «помоги себе сам». Вся эта индустрия функционирует как своего рода «фабрика», производящая и тиражирующая не только техники достижения счастья, но и самого субъекта — «счастливого гражданина». Однако производимое ею счастье обладает строго заданными параметрами: оно должно быть позитивным (то есть отсекающим

негативные аффекты как деструктивные), продуктивным (повышающим уровень человеческого капитала и трудовую отдачу индивида) и, что наиболее важно, функциональным по отношению к системе. Счастливым гражданином в этой парадигме — это не критически мыслящий субъект, а лояльный, адаптивный и, прежде всего, «потребляющий» индивид, чье эмоциональное благополучие напрямую увязано с его потребительской активностью.

Возникает фундаментальное противоречие: провозглашая счастье высшей, «безусловной» ценностью, неолиберальный дискурс на деле низводит его до статуса «продукта», получение которого возможно через совершение определенных действий (обучение, покупки, терапию, оптимизацию тела). Отсутствие счастья, в свою очередь, стигматизируется, трактуясь как следствие личной неудачи, недостаточной гибкости, низкого эмоционального интеллекта или неверного потребительского выбора. Это порождает феномен «тирании позитива», при которой индивид обязан быть счастливым, испытывая при этом вину и стыд за свою неспособность соответствовать навязанному нормативу (Иллуз и Кабанас, Рахманько, 2023: 246). Счастье из состояния превращается в обязанность, в форму непрекращающегося «аффективного труда» над собой, труда по самооптимизации и самопродаже на рынке социального признания.

Следовательно, поиск «стоимости» счастья, прямо следующий из признания его «ценностью», приводит нас к обнаружению сложной системы неявных издержек. Его цена измеряется не в денежных единицах, а в подчинении индивида специфическому нормативному идеалу, в его добровольном включении в систему потребления и производства благ, где он одновременно выступает и объектом управления, и агентом своего собственного подчинения, и потребителем предлагаемых ему решений. Модифицированное таким образом счастье становится мощнейшим инструментом биополитики.

Таким образом, перенос экономической логики ценности в сферу человеческих чувств, в данном случае — счастья, является не нейтральным, а глубоко идеологическим действием. Он знаменует собой окончательную победу неолиберальной рациональности, подчиняющей себе самые интимные аспекты человеческого существования. Как показывает работа Иллуз и Кабанаса, эта «фабрикация» счастливых граждан создает новую, утонченную форму социального контроля, при которой индивид, стремясь к обещанному ему благополучию, внутренне принимает правила игры, делающие его идеальным субъектом для функционирования

существующей социально-экономической системы. В этой системе исчисления подлинная, нередуцируемая и часто «непроизводительная» сложность человеческого бытия оказывается окончательно вытеснена на периферию, маркирована как нефункциональный шум, подлежащий устранению или коррекции.

А если применить эту же самую логику к человеческой жизни? В целом мы уже привыкли к тому, что жизнь человека — это высшая ценность. Но любая ли жизнь? Даже если не брать в расчет откровенно расистские теории, политической философии есть что сказать по этому поводу. Можно вспомнить биополитику Джорджо Агамбена и понятие «голой жизни» (Агамбен, Соколов, 2011: 114). Или понятие жизни, которую стоит прожить, жизни, которая чего-то стоит в прямом смысле — то есть имеет своим результатом что-то, что делает ее ценной. Этот кажущийся строго абстрактным вопрос — о возможности применения логики цены к феномену жизни — является одним из центральных для современной политической философии. Провозглашение жизни «высшей ценностью» в гуманистических манифестах оборачивается своей зловещей тенью, едва мы задаемся вопросом о механизмах этого оценивания. Ибо любая ценность в мире, подчиненном принципу эквивалентности, также требует измерителя, шкалы, курса конвертации. Акт оценки неизбежно является актом селекции. Таким образом, риторика безусловной ценности жизни скрывает глубоко под собой практику постоянного ранжирования, взвешивания и калькуляции.

Отсюда рукой подать до идеи о «жизни, которую стоит прожить». Социальные сети, блоги, индустрия самопомощи навязывают нам образ «успешной», «продуктивной», «осознанной» жизни — то есть жизни, которая демонстрирует высокие показатели по шкале социальной и эмоциональной рентабельности. Мы начинаем воспринимать собственное бытие как проект, в который необходимо грамотно инвестировать, который надо оптимизировать и вывести на самоокупаемость. Депрессия, экзистенциальный кризис, простая усталость от бега по этому кругу воспринимаются уже не как трагические, но неотъемлемые части человеческого удела, а как сбои в системе, свидетельства личной несостоятельности, низкого «коэффициента счастья».

Таким образом, экономизация жизни ведет к фундаментальной метаморфозе самого понятия человеческого достоинства. Оно более не является имманентным, априорным свойством человеческого существа как такового. Оно становится условным статусом, который необходимо заслужить, подтвердить и постоянно поддерживать через демонстрацию

своей ценности в терминах продуктивности, полезности и успешности. Право на жизнь подменяется правом на ценную жизнь. А там, где есть право, которое нужно заслужить, всегда есть угроза его лишения.

Но если жизнь должна чего-то «стоять», чтобы оправдать свое существование, то возникает вопрос: а кто и по каким меркам определяет эту стоимость? Тот, кто обладает властью устанавливать критерии ценности, обладает властью решать, чья жизнь имеет право на защиту, заботу и скорбь, а чья — нет. Шмитт в «Тирании ценностей» много пишет об опасности «автоматического применения ценности», когда объявление чего-либо «ценностью» (таковы, например, «человеческое достоинство», «свобода», «справедливость») автоматически и с необходимостью влечет за собой обесценивание и отрицание всего того, что воспринимается как «неценность» или «антиценность». Это не просто предпочтение одного другому, а тотальная борьба на уничтожение, которая не признает нейтральности и не оставляет места для компромисса: «Неценность не обладает никакими правами в отношении ценности и ради утверждения высшей ценности никакая цена не является слишком высокой. Следовательно, здесь есть только уничтожающие и уничтоженные» (Шмитт, Кильдюшов, 2025: 147). Как мы уже отметили ранее, высшая ценность может быть только одна. Не может быть двух идей блага или справедливости. И если у нас есть одна, то зачем нужны еще какие-то?

«Тирания ценностей» — это трудный, неудобный и необходимый текст. Он не дает ответов, но заставляет задавать мучительные вопросы о наших убеждениях. Это текст-предупреждение о том, что самые благие понятия, будучи абсолютизированными и превращенными в идеологический инструмент, могут обернуться новой формой тоталитаризма — мягкого, «ценностно-обоснованного», но оттого не менее эффективного в своей способности маргинализировать и уничтожить инакомыслие.

И может ли право, основанное на столь зыбком фундаменте, как субъективные ценности, выполнять свою главную функцию — быть гарантом мира и стабильности в плюралистическом обществе, или оно неизбежно становится оружием в руках победившей партии ценностей?

Возможно, главный и не совсем очевидный урок, который может преподать нам этот небольшой текст Шмитта, — в том, что здоровое общество должно быть основано не на фанатичном служении абстрактным ценностям, а на трезвых, скучных, но спасительных нормах и процедурах, которые защищают нас не от Зла, а от самих себя — от нашей

собственной неутолимой жажды абсолютного добра, которая так часто оборачивается абсолютным разрушением.

ЛИТЕРАТУРА

- Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / под ред. Д. Новикова ; пер. с итал. П. Соколова. — М. : Европа, 2011.
- Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь / пер. с англ. А. В. Рахманько. — М. : АСТ, 2023.
- Филлипов А. Ф. Актуальность «Тирании ценностей» // Тирания ценностей / К. Шмитт ; пер. с нем. О. В. Кильдюшова. — М. : Праксис, 2025. — С. 7–72.
- Шмитт К. Тирания ценностей / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. — М. : Праксис, 2025.

Marey, M. D. 2025. “‘Tiraniya tsennostey’ Karla Shmitta [Carl Schmitt’s ‘The Tyranny of Values’]: bor’ba za blago i yeye vozmozhnyye posledstviya [A Struggle for the Good and Its Possible Consequences]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (3), 389–396.

MARIA MAREY

PHD IN PHILOSOPHY

EXECUTIVE SECRETARY

JOURNAL “PHILOSOPHY. JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS” (MOSCOW, RUSSIA)

ASSOCIATE PROFESSOR

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-9251-4399

CARL SCHMITT’S “THE TYRANNY OF VALUES”

A STRUGGLE FOR THE GOOD AND ITS POSSIBLE CONSEQUENCES

SCHMITT, C. 2025. *TIRANIYA TSENNOSTEY [DIE TYRANNEI DER WERTE]* [IN RUSSIAN].

TRANS. FROM THE GERMAN BY O. V. KIL'DYUSHOV. MOSKVA [MOSCOW]: PRAKSIS

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-389-396.

REFERENCES

- Agamben, G. 2011. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita]* [in Russian]. Ed. by D. Novikov. Trans. from the Italian by P. Sokolov. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Filippov, A. F. 2025. “Aktual'nost' ‘Tiranii tsennostey’ [Relevance of ‘Die Tyrannei der Werte’]” [in Russian]. In *Tiraniya tsennostey [Die Tyrannei der Werte]*, by C. Schmitt, trans. from the German by O. V. Kil'dyushov, 7–72. Moskva [Moscow]: Praksis.
- Illouz, E., and E. Cabanas. 2023. *Fabrika schastlivykh grazhdan. Kak industriya schast'ya kontroliruyet nashu zhizn' [Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control Our Lives]* [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Rakhman'ko. Moskva [Moscow]: AST.
- Schmitt, C. 2025. *Tiraniya tsennostey [Die Tyrannei der Werte]* [in Russian]. Trans. from the German by O. V. Kil'dyushov. Moskva [Moscow]: Praksis.